

Под личиной «Запада»

Интервью журналу «Пресса России»

В. Бондаренко. Александр Александрович, мы знаем вас как прекрасного русского человека, выдающегося философа, писателя, патриота. Давайте поговорим о Западе, который вы за восемнадцать лет жизни в эмиграции изучили достаточно хорошо. Что же такое Запад сегодня?

А. Зиновьев. Тема Запада для русских людей должна стать одной из самых главных. Ведь горе-реформаторы — от горбачевской до ельцинской клики — решили перестроить Россию на западный манер, начав эту перестройку, не имея ни малейшего понятия о том, что такое Запад. Они знали о Западе то, что им навязала западная пропаганда. Представление о Западе, господствующее в России до сих пор, и у демократов, и даже у патриотов, — идеологически ложное. Оно имеет с реальным Западом так же мало общего, как в свое время советская идеология — с реальным советским обществом.

Я знаю Запад не хуже, чем знал и знаю Советский Союз и Россию. Но все мои познания о советском обществе не затребованы и до сих пор не опубликованы. И все мои познания о западном обществе также не затребованы Россией. Похоже, что просто не хотят знать, что такое Запад и что может получиться из России, если она пойдет в этом направлении.

В.Б. Как заместитель главного редактора газеты «Завтра» обещаю рубрику «Западное общество» и приглашаю вас к постоянному сотрудничеству с газетой. Сегодня нам в России это крайне необходимо.

А.З. В нашей беседе я постараюсь прояснить самые фундаментальные вопросы.

До сих пор принято рассматривать западное общество как капиталистическое с экономической точки зрения и демократическое с политической. Считается, что никакой особой идеологии на Западе нет и западное общество в отличие от советского не является идеологическим. Эти представления устаревшие. И дело не в том, что на Западе нет демократии как таковой. Демократия есть, но появились новые явления, позволяющие рассматривать западное общество как некапиталистическое и недемократическое.

Западное общество — это прежде всего общество денежного тоталитаризма. Осуществляет этот денежный тоталитаризм особый денежный механизм. Это грандиозное и сложное явление. В него включаются банки, предприятия, выполняющие функции банков, кредитные общества, страховые компании и т.д.

Те же функции отчасти выполняют крупнейшие фирмы. В этот же механизм входит и государство, которое охраняет всю финансовую систему. Оно само крупнейший владелец денег, крупнейший кредитор, финансирующий компании.

Денежный механизм пронизывает все общество от президента до рядовых граждан, охватывая все жизненные процессы. Вся жизнь идет через банки — от зарплаты до пенсий и страховых. Банки дают кредиты, а подавляющее большинство западных предприятий без кредитов существовать не может, по сути, они — подчиненные банков. Этот денежный механизм осуществляет тотальную диктатуру над современным обществом. Можно протестовать против правительства, против различных партий. Против денежного механизма протестовать невозможно.

На Западе сложилась сверхэкономика: это экономика второго уровня. В нее входят весь денежный механизм, все мировые экономические империи. Вы могли замечать по прессе: постоянно встречаются главы правительств, представители различных банков, Международный валютный фонд и т.д. Это работает современная денежная сверхвласть! Капиталистов старого классического типа теперь вы уже не найдете. Западное общество перестало быть капиталистическим. Денежный механизм подавляет все. Современное общество сверхкапиталистическое.

В.Б. Наши представления о Западе создавались по фильмам. Западный человек, особенно богатый, проводит время в любви, забавах, удовольствиях. А на самом-то деле у него нет времени даже в театр сходить. Вся массовая культура Запада — это сказка о несостоявшихся возможностях. Это более усовершенствованный, включенный в денежный механизм наш родной «соцреализм».

А.З. Денежный тоталитаризм создал и сверхэкономику. Сюда входят крупнейшие корпорации — наднациональные и глобальные. Они уже контролируют всю мировую экономику. В русской экономической литературе (а ранее в советской) вопросы о сверхэкономике, о том, какие корпорации складываются, какого рода продукцию выпускают, какими финансовыми опе-

рациями занимаются, абсолютно не освещены. Эксперты по нынешней русской экономике тотально не знают современной экономики Запада. Ни о какой демократии отношений там и речи быть не может. Диктатура труда такая, по сравнению с которой сталинская диктатура выглядит светлой демократией. Там уже не ослушаешься никаких приказаний.

Эти экономические империи управляются уже не экономическими методами. Это явление в сверхполитике: возникает система сверхгосударственности. Я обозначаю главные направления. Сейчас это важно.

В.Б. Да, главное — рассказать о принципах западнизации. Кто заинтересуется глубже, прочтет потом вашу книгу. А есть ли национальный фактор в этой сверхэкономике и сверхгосударственности?

А.З. Сначала я хотел бы сказать пару слов о так называемой рыночной экономике, которую в России выставляют панацеей от всех бед. Совсем недавно один из авторов авантюрного плана «500 дней», Шаталин, сказал, что в России не понимали и не понимают, что такое рыночная экономика. Он, оказывается, только сейчас узнал, что в западной рыночной экономике элемент плановости и командности гораздо сильнее, чем это было в Советском Союзе.

Представляете: эти шарлатаны и негодяи начали ломать нормально работающую экономику, чтобы угодить своим западным хозяевам! Той рыночной экономике, которую Запад навязывал Советскому Союзу и навязывает России, в природе никогда и нигде не существовало. Это идеологический миф. В действительности взяли отдельные черты современной западной экономики, выделили их, абсолютизировали, идеализировали и представили русским, будто это и есть западная экономика...

А в современной западной экономике этого в любом варианте уже не существует. Современная рыночная экономика — социально организованная, регулируемая, управляемая. Она вся плановая, и не пятилетний план, а десятилетний, как минимум. Все крупные фирмы работают по плану! Тут действительно командные методы.

В.Б. Для нас планы были неким идеалом, генеральным направлением, куда надо стремиться. Наши планы — идеологические мифы для Запада, такие же, как для нас их свободная рыночная экономика. Они утверждали, что у них якобы полная свобода в экономике, чего не было. А мы утверждали, что у нас все организовано и запланировано, что, увы, никак не соответствовало истине.

А.З. Да, планы играли у нас организующую роль, поскольку в экономике не было механизма принуждения, какой существует на Западе. А якобы свободная конкуренция? Каждый старается подставить ножку другому! Вот что такое реальная конкуренция. Или механизм ценообразования. Я ни разу не видел, чтобы вдруг стали выпускать более дешевые товары. Это не относится к распродажам завалявшихся товаров. Любая новая модель всегда дороже предыдущей! И почти никто не пишет, что за пятнадцать лет жизнь на Западе подорожала по крайней мере вдвое.

Это и на Западе, и у нас стараются утаивать. Современный механизм ценообразования не подчиняется свободному рынку! Он тоталитарен, подчиняя себе все. Сотни тысяч людей заняты в этом механизме.

В.Б. Что же делает «свободная личность» на Западе, и есть ли она? Или это привилегия бедных стран, как наша? Ведь индивидуализм — изобретение Запада — на Западе же сегодня почти невозможен. Свободная личностная инициатива или свободная национальная инициатива невозможны, если ты внутри этой системы. Я в полной мере ощутил это в кабинетах радиостанции «Свобода». Бедный Юрий Львович Гендлер, руководитель русской службы, повязан больше и крепче денежным тоталитарным механизмом, чем был повязан, скажем, идеолог марксизма Юрий Карякин, работая завотделом главной коммунистической газеты «Правда». Он смог вырваться, а Гендлер не может. Потерял свое дело, оброс долгами, оказался банкротом — и уже живешь изгоем этого общества. Какое место в денежном тоталитаризме занимают западные интеллектуалы?

А.З. Сначала скажу о политической системе общества, об идеологии, а потом уже будем говорить о культуре. Полити-

ческая система Запада. Создается еще один ложный миф. Опять берутся отдельные черты системы, вырываются из контекста, идеализируются, и дело изображается так, будто, кроме этого, больше ничего нет. Называют эту мифическую систему демократией и подсовывают российским дуракам. Если перенести вырванную из естественной системы на Западе и идеализированную демократию в другую среду, где нет реальной западной политической системы, эта демократия становится средством уничтожения местной политической системы. Во всех странах, куда так называемая демократия переносилась, убивалась система государственности! Это произошло и в России. Как изображают демократию? Многопартийная система, свободные выборы, разделение властей — это якобы и есть волеизъявление народа. Должен сказать, что сами западные идеологи жесточайшим образом разгромили систему демократии. Реальная политическая система имеет очень мало общего с ее сусальным изображением. Тут действительно есть и многопартийность, и разделение властей, но это малюсенькая частичка огромной системы западной государственности. Советский Союз всегда критиковали за то, что в нем гигантский бюрократический аппарат. В США же лет пять назад в системе государства работало в общей сложности 15,5 миллиона одних только гражданских лиц! В Советском Союзе же, по моим подсчетам, в системе государства работало намного меньше...

Система государственности — это гигантское количество бюрократических организаций. В любой западной стране сегодня процент бюрократов гораздо больше, чем был в странах социализма. А ведь в систему государственности входят также армия, полиция, многочисленные секретные службы. Вся совокупность предприятий и учреждений, обслуживающих систему государственности, не поддается учету. Это одно из табу западного общества, о чем не принято писать. А если напишешь — не опубликуют. А если опубликуют — не продадут. А если продадут — не напишут ни одной рецензии в газетах.

Скажем, в Италии правительственный кризис каждый год, а система живет, будто с ней ничего не происходило. Система не зависит от атрибутов демократии!

В.Б. Подтверждением этой супергосударственности служит и Япония. Сколько скандалов с министрами и премьер-министрами: их обвиняют в жульничестве, коррупции, взятках, судят, выгоняют из правительства, даже убивают. А страна будто не реагирует, богатеет, развивается независимо от всей этой псевдодемократической мишуры.

А.З. В Италии вообще предали суду почти всех парламентариев, всех глав политических партий. Казалось бы, общество залихорадит, это затронет всех итальянцев, как затрагивали всех русских политические перемены в России. Вроде вся политическая система — жулики, а приезжаешь туда: никакой паники, никакой лихорадки. Значит, стабильность политического общества на Западе не в многопартийности или в выборах, а в супергосударственном бюрократизме.

Кроме этой бюрократической системы, политикой руководит и сверхэкономика, о которой мы говорили. Она фактически правит всеми правительствами, определяя, кого выберут президентом, кто пойдет в сенат и т.д. Подобно сверхэкономике, на Западе сложилась система сверхгосударственности.

Что это такое? Сама государственность огромная — миллионы людей. Ими самими надо управлять. И складывается система сверхвласти, властвующая над самой властью. Я называю ее внутренней властью. Образуется кухня власти.

Другую линию образует совокупность секретных учреждений, тех, кто осуществляет скрытый аспект деятельности государственной власти. На Западе он в десятки раз сильнее, чем тот, который был в Советском Союзе. Каковы его масштабы, узнать невозможно. Публичная власть ни шагу не делает без этого скрытого аспекта.

Третья линия — образование всякого рода объединений из множества активных личностей, занимающих высокое положение на иерархической лестнице. По своему положению, статусу, известности это личности, наиболее влиятельные в обществе: ведущие бизнесмены, крупные землевладельцы, издатели журналов и газет, профсоюзные лидеры. Эта среда получила название «правлящая элита». Факт ее существования общепризнан. Правит страной она, а не президенты или депутаты.

Четвертая линия — образование бесчисленных учреждений, блоков и союзов западных стран. Существуют тысячи самых разных общественных организаций, союзов, товариществ, фондов. Туда входят сотни тысяч людей, но все они подчинены денежному тоталитаризму...

В.Б. Может быть, человек, боясь своего одиночества, своей индивидуальности, чувствуя опасность любой свободе перед лицом гигантского денежно-государственного механизма, сам ищет противодействие, ищет защиту и попадает в еще одну ловушку. Да, я был удивлен: «клуб любителей насекомых», «общество одиноких», «фонд древнекритской письменности»... Хоть что-то, чтобы не быть одиноким в мире денежного тоталитаризма.

А.З. Но эти общества тоже образуют уровень реальной власти. Они контролируются сверхгосударством, там факт образования сначала горбачевской клики, а затем ельцинской, вся их деятельность может служить классическим примером мощи и принципов работы сверхгосударственности Запада. Они появились не в результате некоего имманентного развития советского общества, а в результате планомерной, целенаправленной деятельности системы сверхгосударственности Запада.

В.Б. Увы, наша сверхгосударственность оказалась слабее и не столь надежной?

А.З. Она оказалась ничтожной, поразительно слабой. В Советском Союзе я не знал, что такое Запад. Я судил о нем так, как вас учили в университетах. Это примитивное представление, не имеющее ничего общего с реальностью.

В.Б. Так примитивно, не зная Запада, судили о нем и академик Сахаров, и писатель Солженицын, и почти все диссиденты.

А.З. Только здесь, на Западе, можно узнать, что это такое. Надо прикоснуться к этому обществу, чтобы понять его. Ранее я думал: на Западе демократия, свобода предпринимательства и все такое. Но теперь-то я вижу, что здесь я раб, а на Родине был свободным человеком. Я — раб средств массовой информации, раб банковской системы. В Советском Союзе система государственности не была столь тоталитарной, как на Западе. Вся критика нашего государства была организована Западом, и организована потрясающе: били, били, били... и добились.

На Западе тысячи разных идеологических учений. То, что мы в Советском Союзе привыкли считать наукой, — здесь это идеология. Все эти попперы, пайпсы, хайеки и т.д. — не ученые, а идеологи. Здесь в десятки раз больше учреждений, занимающихся идеологическими проблемами общества: в университетах, журналах, специальных бесчисленных исследовательских службах. Школьное образование, университетское — насквозь идеологическое. Кино, литература — не искусство, а идеология. Вы включаете телевизор — и вы уже в сфере влияния идеологии. Секс, насилие, американский шовинизм, полная фальсификация истории — это не идеология? Вся масскультура — прямая идеология.

В.Б. К сожалению, в своей масскультуре соцреализма мы не смогли так воспеть наших Рэмбо и наши звездные войны. Кто так критиковал соцреализм за идеологичность — от Аксенова до Евтушенко, — сейчас верно служат самой примитивной западной идеологии. Андрон Михалков-Кончаловский в России творил высокое искусство, а на Западе легко снизошел до идеологизированных боевичков. Почему мы не верим нашему официозу и так верим чужестранному, чужебесному?

А.З. Мы в России жили и знали: это идеология и мы над этим смеялись, мы ее высмеивали. Мы не были так оболванены. Может быть, слабость советского общества в том, что мы все были плохо оболванены, мало оболванены... Теперь-то я знаю, какой ежедневной многочасовой обработке подвергается любой западный человек. Западные люди оболванены от мала до велика, от безработного до президента. Они все — штампованные. Мы не знали наших реальных преимуществ перед Западом и не верили в них.

Западные средства информации на все реагируют одинаково, где бы что ни случилось. Пошла команда: вот так оценивать Сербию, и все набросились на нее. Поражает однообразие оценок.

В.Б. То же самое с информацией об октябрьских событиях 1993 года в Москве. Абсолютно разные страны, партии, религии, но во всех газетах шел один набор лживых слов: коммунофашисты, «красно-коричневые» против демократа Ельцина.

А.З. На Западе затыкают рот всякому, кто идет своим путем. Нужно обязательно примыкать к каким-то группам, кастам, чтобы пробиться. Посторонним входа нет. А если ты русский, от тебя требуется двойная лояльность. Не умеешь предавать Родину, хочешь остаться патриотом или просто объективным человеком — никогда не пустят на порог. Русские на Западе — враг № 1.

Это неприятие заложено исторически. Россия всегда была могучей державой. Весь советский период тоже ассоциировали только с русскими. Опорой державы всегда было этническое русское население. Все плохое, идущее от нас, было лишь русское — вплоть до «русской мафии» без единого русского человека. А если что хорошее, обязательно укажут: это еврей, это грузин, это украинец. На Западе перед этническими русскими всегда был испуг, не военная конкуренция, не экономическая. Испуг один — русские якобы несли и несут в себе антизападные начала.

Кроме того, огромный творческий потенциал. Больше всего боялись прорыва на Запад русской культуры. Способности русских людей всем известны: в математике, физике, литературе. И главная цель — не допускать русских. Мог произойти прорыв в мировую культуру этнических русских.

Сужу об этом по себе. Не будь я русским, мне были бы открыты двери всех университетов. Все издательства приглашали бы наперебой. Сначала я «проскочил» и прославился по ошибке. Во-первых, меня приняли за нерусского, во-вторых, за диссидента. А я оказался и русским, и не диссидентом. И сразу — испуг! Хорошо, что я уже к тому времени успел набрать определенный вес в мире западной науки и в литературе. Но с тех пор меня задвигают и задвигают. Пусть это знают все, кто хочет ехать на Запад. Здесь нет шанса прорваться, если ты собираешься оставаться русским и независимым.

В.Б. С точки зрения описанного вами денежного тоталитаризма Запад, очевидно, не решился вовлечь всю структуру СССР в свою систему. Это не по зубам даже им. Они предпочли разрушить единое государство, а потом уже по кусочкам отдельно

начали вовлекать Эстонию, Грузию в свою сверхгосударственность, отгораживая от России.

А.З. Это принцип. В статье «Колониальная демократия», опубликованной в «Дне», я описываю этот принцип, с помощью которого Запад завоевывает мир. Он имеет макроструктуру: это вся планета. Это сам Запад, как метрополия, и вся планета, как колония. Один из принципов западнизации — навязывание колонизируемым странам строя, желательного Западу. Сначала разрушить, дезинтегрировать, а потом уже соединять так, как ему хочется.

Но Россия не может превратиться в страну западного типа! Она может быть лишь превращена в колонию. Включить Россию со всей ее мощью в механизм западного общества просто невозможно. Россия — автономная социальная система.

В.Б. Только в сугубо атеистически-машинном западном обществе могут решить, что для включения в свой денежный механизм ни религия, ни этнос роли не играют. Вот и накололись на арабах, на мусульманах. Не пройдет их денежный механизм и в России.

А.З. Западное общество — общество не абстрактных индивидуумов. Его создали люди определенного генотипа, совсем иного типа, чем, скажем, русские. Эти генотипы несовместимы. Эволюция западного человека дошла до состояния, когда они превратились в полуроботов. Расчетливые, холодные, с ослабленной эмоциональностью, упрощенной психикой. Это прямая противоположность русскому типу. Мы — люди рефлексии, внутренний мир играет огромную роль, даже более важную, чем внешний мир.

Западу чужд наш мир, и потому они якобы боролись с царизмом, самодержавием, коммунизмом, но объект уничтожения всегда был один — русский народ. Борьба с коммунизмом целых полвека была тщательной маскировкой. Под видом борьбы с коммунизмом боролись с русскими...

В.Б. Думаю, с потерями, но Россия победит. Как нам вести себя с Западом? Уйти в изоляционизм или налаживать корректные отношения с теми, кто помогал разваливать нашу страну?

А.З. Скажем, удалось сбросить оккупационное правительство и освободить страну. Сама эта задача — эпохальная. Но на это теперь нужно время. Это не десяток человек сбросить. Подкупили почти всю интеллигенцию, армейскую верхушку, дипломатический корпус и т.д. Вся капээсэсовская партноменклатура куда-то приткнулась, приспособилась.

Запад так легко с восстановлением России не смирится. Запад обладает огромной экономической мощью, держит в своих руках все мировые организации, он обладает огромной военной мощью, а нашей российской армии фактически не существует.

Перед Западом сейчас стоит задача — уничтожить русский атомный потенциал, то есть то, что могло бы спасти Россию, а после этого демилитаризировать страну. Если Запад почувствует, что Россию можно уничтожить военным путем, из России устроят второй большой Ирак. Они не остановятся ни перед чем...

Западные птицы выманили русских рыб на берег, соблазнив тем, что на берегу лучше жить. И мы сейчас умираем на песке. Запад создает свою цивилизацию. Россия же обречена идти другим путем. Это не значит, что надо изолироваться от Запада. Все равно будет складываться другая экономическая и политическая зона. Уцелеет Китай, уцелеет Россия, тогда этот регион сложится иначе. Будут создаваться автономные от Запада регионы.

С Россией счеты у Запада особые: она явила собою угрозу его мировому господству. Установка на «холодную войну» остается навечно. И дело не в коммунизме. На Западе этого коммунизма своего в избытке. Прежде всего взята установка на уничтожение русскости, и она неуклонно проводится в жизнь. Первое: не допустить русских в мировую культуру. Занизить достижения русской культуры. Все русское стирается. Второе: уничтожить сам русский человеческий материал. Народ развращается не случайно. Продумана целая программа его развращения. С нами поступают так, как американцы поступили с индейцами Северной Америки.

Чтобы уничтожить народ, не обязательно убивать все 100 процентов. Можно срезать лишь точки роста. Убить лучшего

«гоя». Это делалось и делается по отношению к России. Уничтожить русский народ как великое историческое явление, а он-де потом сам испарится.

В.Б. А не сумеем ли мы в противостоянии «новому мировому порядку» опереться на других непокорных? Раз уж мы с вами разговариваем в Баварии, не может ли оказаться важным русско-немецкий союз как противодействие мировому негодяйству?

А.З. Не надейтесь ни на кого. В этой ситуации русские должны рассчитывать только на себя. Если русские будут мобилизованы и решат стоять, не хватит всех сил мира, чтобы их добить. Все дело в том, решит народ отстаивать Родину или не решит.

Теперь насчет Германии. Сейчас страны Западной Европы нельзя рассматривать по отдельности. Существует Европейское сообщество. Это единое целое. Это даже больше, чем районы и земли этих стран внутри страны. Сейчас Германия рвется в нем на роль лидера. Она сильнее всех, экономически. Она играет первую скрипку, но не как самостоятельное национальное государство, как это было при Гитлере, а как лидер Европейского сообщества. Отколоть ее от этого сообщества не сможет никакая дипломатия в мире: тогда придется разорвать тело.

Помните, что я говорил о сверхэкономике, сверхобществе, сверхгосударстве? Тайна еще и в следующем: возьмите любую крупную немецкую фирму и посмотрите, кому она принадлежит, с кем имеет контакты, какой они национальности? Примите во внимание и «американский» фактор в европейской жизни. Они, закулисники, задаром отсюда не уйдут. Существует мировое единство. И если Германия предпримет хоть какие-то шаги, ведущие к конфликту с США, она долго не просуществует... Опять будет разбита...

В.Б. Выходит, что сегодня всей мировой закулисе может противостоять лишь Россия?

А.З. Да. Россия и наша собственная решимость. Русский, а вместе с ним и все российские народы надо поднять. Надо, чтобы они увидели, откуда исходит настоящая опасность... Вот тогда прозревшую Россию не победить никому...